

— Что? Лань-гэр раздобыл редчайшую орхидею и зовет всех ею полюбоваться? Вот уж солнце точно вошло на западе.

— С каких это пор у этого ребенка появились подобные изящные наклонности, просто диво. Живо, помогите мне переодеться, пойдем посмотрим...

Госпожа Шэнь была вне себя от радости, услышав приглашение на цветочный смотр.

Ее Лань-гэр с детства был живым и непоседливым, не похожим на сыновей гражданских чиновников, любящих слагать стихи, а скорее напоминающим отпрыска военачальника, предпочитающего размахивать мечом и так лихо щелкать кнутом, что тот свистел в воздухе. Хотя такой прямой и открытый нрав и вызывал симпатию, он всё же не соответствовал нынешним эстетическим стандартам, требующим от девушек и гэров кротости и покорности, из-за чего она немало тревожилась, боясь, что в будущем ребенок из-за этого пострадает. А теперь он вдруг заинтересовался любованием цветами, и, казалось, его характер наконец-то начал смягчаться, от чего госпожа Шэнь пришла в неподдельный восторг.

Услышав о смотре, целая компания направилась в павильон Ланьвэй.

Однако пришли не только госпожа Шэнь, господин Шэнь и два родных старших брата, Шэнь Хуайжэнь и Шэнь Хуайчжи. С ними был и родной младший брат, укравший его жениха, Шэнь Цинцюань.

У госпожи Шэнь было пятеро детей: старший сын Шэнь Хуайжэнь, второй сын Шэнь Хуайчжи, старшая дочь Шэнь Цинъюэ, второй гэр Шэнь Цинлань и пятый гэр Шэнь Цинцюань.

Шэнь Цинлань никогда не отличался терпеливостью и смирением, а между ним и Шэнь Цинцюанем лежала тень «брачной обиды», поэтому, увидев его, он мгновенно нахмурился, и его лицо тут же вытянулось.

— Как ты здесь оказался? На мой цветочный смотр тебя никто не звал!

Шэнь Цинлань холодно фыркнул, даже не пытаясь скрыть свое недовольство.

Честно говоря, к третьему человеку, причинившему ему боль, наследнику графского дома Цзиньян, он не питал особых чувств. Даже когда тот в его трудную минуту выступил вперед и, не обращая внимания на его испорченную репутацию из-за двух сорванных помолвок, на свой страх и риск, с позиции наследника графа, попросил его руки, Шэнь Цинлань испытывал лишь благодарность, но никак не романтическую привязанность. Поэтому, когда родной брат увел этого человека, он горевал не из-за потери мужчины, а из-за предательства родного брата.

Шэнь Цинцюань тоже понимал, что виноват перед братом, и, столкнувшись с его холодным лицом, лишь молча стерпел. Его глаза покраснели, и он снова принялся извиняться:

— Второй брат, в деле с браком я перед тобой виноват... Но мы всё же родные братья, рожденные одной матерью, неужели ты и вправду хочешь быть со мной настолько чужим? Раньше, когда ты бил и ругал меня, а отец с матерью меня наказывали, я всё принимал. В будущем, что бы ты ни попросил, я ни в чем не откажу. Я уже так...

Но Шэнь Цинлань не дрогнул ни на йоту. С того самого дня, как произошла брачная катастрофа, его братские чувства к этому младшему брату окончательно иссякли.

— Если бы извинения всё решали, зачем тогда нужны власти? То, что ты был наказан, это твоя собственная вина; то, что ты пытаешься компенсировать ущерб, это последствия, которые ты и должен был понести. Когда ты совершал те поступки, ты хоть раз думал о том, что мы родные братья? И на каком основании ты теперь требуешь моего прощения? То, что я больше не мщу тебе, уже сделано исключительно ради матушки. Если ты и вправду чувствуешь вину, просто не появляйся у меня на глазах, я не хочу тебя больше видеть.

Шэнь Цинлань с холодным лицом четко обозначил свою позицию.

Не думай, что я настолько глуп, чтобы не понимать мелких хитростей этого братца. Его сегодняшняя жалкая мина и попытки помириться продиктованы лишь тем, что свадьба близится, а приданое скудное. Он надеется, что, добившись моего прощения, он косвенно успокоит матушку, и она размякнет, добавив ему серебра на приданое. Теперь он наконец-то всё понял, что этот его пятый брат лишь кажется искренним и слабым, а на деле он эгоистичен и черств до мозга костей.

— Второй брат...

Услышав это, слезы Шэнь Цинцюаня снова посыпались градом, словно он претерпел неслыханную обиду.

Он же сказал, что не специально увел наследника Цзиньяна, он готов компенсировать... Почему второй брат должен быть таким безжалостным и не давать ему даже одного шанса исправиться?

Точно так же, как Шэнь Хуайчжи благоволил своему второму брату Шэнь Цинланю, Шэнь Хуайжэнь питал особую слабость к пятому брату Шэнь Цинцюаню. Он считал, что характер Лань-гэра слишком свиреп и властен, и тот уступает Цюань-гэру, который был покорен, знал этикет и начитан, что гораздо больше импонировало ему.

Шэнь Хуайжэнь принял позу старшего брата и вступился за него:

— Хватит, Лань-гэр. Как бы то ни было, мы родные братья, рожденные одной матерью, связаны кровью, разделяем и честь, и позор, и должны поддерживать друг друга. Цюань-эр уже осознал свою ошибку и понес наказание, все эти дни он мучается от чувства вины. Зачем же тебе быть таким непримиримым и придирайтесь к мелочам?

Не успел он закончить фразу, как Шэнь Хуайчжи не выдержал и выступил вперед, чтобы защитить своего любимого брата:

— Старший брат, оставь при себе эти громкие и пустые поучения! Я уже говорил: о каком разделении чести и позора может идти речь? Каждый раз «честь» достается вам, а «позор» глотаем мы с Лань-гэром. Говорить красиво вы мастера.

— В деле с браком виноват изначально был Цюань-эр, и сейчас он получает по заслугам. Лань-гэр как пострадавшая сторона просто не хочет его видеть и прощать, он же не требует его жизни, как это вдруг превратилось в то, что Лань-гэр непримирим?

— Старший брат, твоё поведение, если говорить красиво, это забота об общем благе, а если говорить прямо, то это лицемерие. Неужели ты сам в душе этого не понимаешь?

Сказав это, он повернулся к Шэнь Цинцюаню и с раздражением добавил:

— И тебя это тоже касается, Цюань-эр. Сегодня Лань-гэр устроил цветочный смотр, ты же знал, что он не хочет тебя видеть, зачем же ты явился без приглашения?

— Раз уж пришел, то ладно, но стоило тебе получить пару замечаний, как ты сразу принял этот плачущий и жалкий вид, лишь бы зря раздражать людей. Сам напросился на неприятности!

— Второй брат, ты... ты пристрастен...

Шэнь Цинцюань, получив выговор, почувствовал смесь обиды и возмущения. Второй брат всегда пристрастен.

Шэнь Хуайжэнь тоже был выведен из себя и потерял дар речи:

— Второй брат, твои грубые и бессмысленные речи просто никуда не годятся...

— А что тогда годится? Старший брат, ты балуешь Цюань-гэра, и он, естественно, близок с тобой; я благоволю Лань-гэру, и он мне более по душе. Мы любим каждый своего, и мы в расчете, в чем проблема?

Шэнь Хуайчжи произнес это с полным безразличием, открыто и недвусмысленно признавая свою пристрастность.

Подобное наглое поведение заставило двоих оппонентов лишь густо покраснеть от злости, не находя слов для ответа.

...

Шэнь Цинлань, видя, как старший брат яростно защищает его, прикусил губу, и его глаза превратились в довольные дуги.

Пусть даже отец и старший брат больше любят пятого брата. Зато матушка и второй брат благоволят мне, меня тоже есть кому любить, так что я ни в чем не проигрываю!

— Ладно, хватит ссориться. Разве мы сегодня не цветы пришли посмотреть? Лань-гэр, скорее показывай цветок...

В конце концов господин Шэнь и госпожа Шэнь перевели тему. Хотя у этой супружеской пары тоже были свои любимчики, в такой ситуации вступать в спор и выяснять, кто прав, а кто виноват, означало бы лишь подливать масла в огонь и начинать бесконечную перебранку. Услышав слова родителей, четверо братьев были вынуждены прекратить спор.

Шэнь Цинлань тоже не хотел больше ничего говорить, он обозначил свою позицию, и этого было достаточно. Сейчас самое главное было помочь брату Ханю выгодно продать орхидею!

Он махнул рукой.

Цяодун и Цяоси с величайшей осторожностью вынесли горшок с орхидеей.

— Форма цветка напоминает хризантему, окраска золотисто-розово-белая, аромат насыщенный и прохладный... Это и вправду легендарная «Тысячерукая Гуаньинь», сокровище среди орхидей с лепестками в форме лотоса — «Золотая песчаная древовидная хризантема»! И качество у нее просто превосходное.

Как только орхидея появилась, господин Шэнь и Шэнь Хуайжэнь мгновенно переключили на нее все свое внимание, издав восклицания восхищения.

Любование цветами считалось изящным занятием, и нынешние ученые мужи, даже если и не любили возиться с растениями, на людях непременно должны были изображать из себя ценителей, иначе их сочли бы изгоями. Если выставить такую редчайшую орхидею напоказ, неизвестно, сколько похвал и уважения можно заслужить.

Господин Шэнь тут же просиял и произнес:

— Лань-гэр, откуда ты раздобыл этот цветок? Как раз отец хочет найти растение высшего сорта, чтобы сделать кому-то подарок. Не подаришь ли ты эту «Тысячерукую Гуаньинь» отцу?

Сказав это и вспомнив о характере своего гэра, он поспешно добавил:

— Не волнуйся, серебра тебе точно не пожалею.

При этих словах он вспомнил, как несколько дней назад его тайный запас серебра был хитростью выманен госпожой Шэнь до последней монеты, и его сердце болезненно сжалось, а в мыслях он мысленно обругал эту коварную и сварливую бабу. К счастью, остальные лавки и поместья, как недвижимое имущество, унести было нельзя, так что, если хорошенько поднатужиться, тысячу лянов серебра собрать всё же можно.

Шэнь Хуайжэнь, услышав это, тоже не захотел отставать и поспешно воскликнул:

— Батюшка, вы не можете забрать этот цветок себе, у сына он тоже для великих дел!

— Пошел, пошел, какие бы великие дела у тебя ни были, разве они могут быть важнее моего пути к повышению в чине?

Как только речь заходила о служебном росте, господин Шэнь переставал видеть в нем «хорошего большого сына». Потому что он был человеком, жаждущим власти. Успехи сына, конечно, радовали, но они всё же не шли ни в какое сравнение с тем реальным и безграничным удовольствием, которое приносило обладание властью и постепенное восхождение по служебной лестнице.

Шэнь Цинлань так и знал, что они начнут спорить. Он тут же расплылся в хитрой улыбке:

— Батюшка, старший брат, разве вы только что не говорили, что мы одна семья? Раз мы одна семья, мне будет неловко кого-то из вас выделять. Поэтому давайте устроим аукцион на эту орхидею: кто больше даст, тому она и достанется. Как вам такая идея?

Господин Шэнь: ...

Шэнь Хуайжэнь: ...

Это же откровенная попытка нас обобрать, не так ли?

Оба были не в восторге, и в груди у них застрял ком обиды, но, зная характер Лань-гэра, они понимали, что, разозлив его, о возможности торговаться можно было забыть.

Они посмотрели на Шэнь Цинлани, затем на орхидею превосходного качества, стоящую на столе. В конце концов отец и сын, скрепя сердце, кивнули:

— Ладно, так и быть, аукцион так аукцион. Какова стартовая цена?

При таком превосходном качестве и будучи одним из самых редких сортов орхидей, она и вправду была большой редкостью. Серебро можно заработать снова, но если упустить возможность наладить связи и проложить путь к успеху, эта возможность исчезнет навсегда.

Шэнь Цинлань был вне себя от радости и бойко произнес:

— Орхидея такого качества на внешнем рынке стоила бы не меньше тысячи лянов серебра за горшок. Но поскольку батюшка и старший брат моя родня, я сделаю вам скидку и установлю стартовую цену в восемьсот лянов.

Госпожа Шэнь тоже стояла рядом и с улыбкой подыгрывала:

— Каждое повышение ставки должно быть не менее десяти лянов.

Господин Шэнь: ...

Эта пристрастная женщина!

Шэнь Хуайчжи тоже без стеснения подлил масла в огонь:

— Лань-гэр, эта орхидея очень нравится и второму брату. Второй брат тоже хочет ее купить и сразу предлагает тысячу лянов.

Шэнь Хуайжэнь: ...

Этот мерзкий братец!

Шэнь Цинцюань, наблюдавший за этим со стороны, чувствовал себя не в своей тарелке. Отец и старший брат, конечно, любили его, но не так, как матушка и второй брат любили второго брата, беззаветно и всецело его защищая. Но если бы ему предложили сблизиться с матушкой и вторым братом... он бы тоже не смог этого сделать.

Как бы ни была добра матушка, она всё же лишь хозяйка внутреннего двора. Как бы ни был близок второй брат, он всё же не более чем никчемный повеса. А вот отец был настоящим главой семьи Шэнь, а старший брат уже получил степень цзиньши и имел блестящее будущее. Его выбор был верным.